

Калеб КАРР

Калѐб КАРР

АЛИЕНИСТ
АНГЕЛ ТЬМЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К26

Серия «Алиенист»

Caleb Carr
THE ANGEL OF DARKNESS

Перевод с английского *С. Натапова, М. Новокшеновой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Карр, Калев.

К26 Алиенист. Ангел тьмы : [роман] / Калев Карр ; [перевод с английского С. Натапова, М. Новокшеновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 768 с. — (Алиенист).

ISBN 978-5-17-120611-6

Вскоре после дела Джона Бичема доктору Ласло Крайцлеру и его блестящей команде предстоит взяться за новое опасное расследование.

То, что поначалу казалось обычным похищением с целью выкупа дочери высокопоставленного испанского дипломата, внезапно оборачивается делом о таинственной женщине, которая неслышно и неотвратимо, словно ангел смерти, несет гибель маленьким детям.

Удастся ли Крайцлеру с его помощниками остановить серийную убийцу, пока она не нанесла новый удар?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120611-6

© Caleb Carr, 1997
© Перевод. С. Натапов, 2018
© Перевод. М. Новокшенова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Моим отцу и матери

Считается не то, что был в темном доме, а то, что вышел из него.

Теодор Рузвельт

Глава 1

19 июня 1919 года

Наверно, можно было начать историю вроде этой как-то покрасивше, что ли — поиграть словами, развести читателей, как разводит простофиль хороший шулер. Но если честно, для такой игры я не слишком-то спор на язык, да и остроумием особым не блещу. Слова никогда не значили для меня много, и хоть за все эти годы мне встретилось немало людей, по праву считавшихся великими говорунами и мыслителями, все равно я остался, как это принято говорить, человеком простым. Так что и простое начало вполне меня устроит.

Первым делом следует рассказать — эдак попросту, — почему я той ночью запер лавку и ушел в подсобку, несмотря на то, что вполне еще мог себе неплохо поторговать. А вечер стоял удивительный — из тех, ради которых я тогда и жил: когда можно спокойно следить за суетой на проспекте, отгородившись от него одной лишь рубашкой, курить, наблюдая, как дым дорогих сигарет улетает напрямиком к звездам, и в результате начиная верить, что, быть может, у жизни во всем этом дурдоме и есть какой-то смысл. Цокот копыт остался в прошлом — коняг, тянувших по улицам коляски и фургоны, уже давно сменили бензиновые автомобили да грузовики; после полуночи их бег слегка поутих, а значит, вскоре следовало ждать нашествия леди и джентльменов в намерении приобрести у меня отборное курево после ужина в отеле «Албемарл» или «Хоффман-хаусе». Прежде чем отправиться в другую лавку, они, конечно, удивятся, обнаружив, что я закрылся ранее обычая, но

8 удивление их будет недолгим, и, когда господа эти обретут искомое, вокруг величественного небоскреба «Утюг» осядет значительная тишина. Одинокий и причудливый силуэт все так же царит над Мэдисон-сквер — а вы как думали? — хотя в пору строительства из-за самóй его конструкции да и вычурного фасада архитекторы и критики друг другу глотки рвали. Башня «Метрополитэн Лайф», подпирающая небо на другой стороне парка, возможно, будет и повыше, только она и рядом не стояла с «Утюгом» по стилю и внушительности; не говоря уже о соседствующих зданиях, вроде «Мэдисон-сквер-гардена», увенчанного статуей Дианы, некогда шокировавшей своею наготой, — они словно пережиток иного столетия, что мстится канувшим в одночасье минувшей ночи. Экая славная ночка, сказали бы многие, но для кого-то из нас она обернулась тайнами и опасностями, явив множество загадок человеческой души, о коих люди, по преимуществу разумные, предпочли бы и вовсе не знать. Даже немногим способным заинтересоваться подобным зверств Великой войны уже хватило. Сейчас они жаждут одного — веселиться; причем жаждут непреклонно.

Безусловно, именно это желание двигало теми, кто направлялся сейчас к моей лавке, рассчитывая обзавестись куревом, столь необходимым долгими часами за игорным столом или в танцзале. Более мрачные поводы исключались самой погодой. Легкие касания мягких и невесомых ладоней ночного воздуха обволакивали мятущуюся душу — и вот она уже рвется в город, точно бродячая псина, почуявшая кость в глубине мусорного отвала у скотобойни. Большинство таких порывов так ни к чему, разумеется, не приводили, но это неважно: и само по себе это — странное удовольствие, дать себе поверить, что на грязных трепаных улицах Большой Луковицы возможно все, а если искомое не отыщется сегодня, тем больше поводов возобновить попытки завтра.

Знакомое чувство — сколько раз я думал так же, пока не достиг нынешнего, весьма прискорбного состояния. Вечная перспектива однажды вместе с кашлем выплюнуть собственное легкое изрядно омрачила мое существование на этом свете, поскольку мало приятного в его утехах, ежели

повсюду, куда бы ни шел, за тобой тянется след крови и гноя, словно ты — какой-то жалкий израненный зверь. Но память моя никуда не делась, и, разумеется, я отлично припоминаю обжигающий восторг тех ночей, ту свободу, когда ты — сам по себе, а весь мир лежит покорно у твоих ног. Да нет, уверен, и вы, даже с таким жутким кашлем, как мой, в ту ночь не вернулись бы под крышу, не будь у вас на то чертовски серьезного повода. Стараниями мистера Джона Скайлера Мура у меня такой повод имелся.

Он пожаловал ко мне около часа назад, пьяный, как извозчик (что для человека, с ним знакомого, вообще-то не сюрприз), долго изливал желчь на малодушие редакторов, издателей да и всего американского народа совокупно. Послушать его (точнее, послушать вино и виски в нем), так этой стране сказочно повезло, коли она эдак развилась, как сейчас: столько тайного ужаса, трагедий и увечий искалечили наше общество. Учтите, по мне — он говорит дело; слишком много лет прослужил я в доме нашего общего друга, видного алиениста доктора Ласло Крайцлера, чтобы теперь списывать мрачные речи мистера Мура на пьяный бред. Но, как это часто бывает со всеми пьянчугами, гость мой отнюдь не собирался предаваться вселенской тоске вечно: он явно искал конкретную жертву, и в отсутствие кого-либо еще становилось совершенно ясно, что подойду и я.

Всему виной стала книга, которую он писал последние месяцы — с самого дня смерти президента Рузвельта. Я читал ее, как и все мы — и мы поделились с мистером Муром мнениями касательно его труда, и пожелали ему удачи, но никому из нас, включая доктора, и в голову не пришло, что автор всерьез намерен отыскать для нее издателя. В рукописи излагалась история расследования убийств, совершенных Джоном Бичемом, — первое дело, которое выпало вести вместе доктору, мистеру Муру, мисс Саре Говард, братьям-детективам Айзексонам, Сайрусу Монтроузу и мне. История эта вышла настолько интересного свойства, что ни один издатель в здравом уме не осмелился бы предложить ее публике. Это верно, многие не прочь пощекотать себе нервишки, почитывая что-нибудь эдакое на сон грядущий, но ведь всяким вкусам есть предел, а история Бичема решительно не вписывалась ни в какие ворота — для

10 тех-то дней и того века. Может, ее и следовало рас-
сказать, как того требовал мистер Мур, но сколько
в нашем мире таких историй, которым не суждено быть рас-
сказанными лишь потому, что люди не готовы слушать?

Первую ошибку я совершил, когда поделился этим соо-
бражением с мистером Муром.

Тот наградил меня редким своим взглядом — тяжелым,
исполненным гнева. Джона Скайлера Мура я знал лет
с одиннадцати — стало быть, уже года двадцать четыре —
и, пожалуй бы, встал в тупик, спроси меня кто, известен ли
мне более справедливый, порядочный и вообще добрый че-
ловек. Но хлебнуть ему довелось много чего, и, как это ча-
стенько бывает, в душе его образовалось клокочущее озеро
боли и горечи, кои подчас не могут не выплеснуться нару-
жу. На моей памяти вызывало подобные всплески всякое,
но никогда еще так сильно, как в тот вечер: он *жаждал* рас-
сказать миру историю Бичема и люто ярился на всех, кто
пытался воспрепятствовать ему, даже не говоря о тех, кто
попробует эту причудь хотя бы понять. А в данном случае —
к несчастью — этим кем-то выпало быть мне.

А ведь он был уже немолод, мистер Мур, совсем немо-
лод — багровые складки на его шее, подпираемые накрах-
маленным воротничком, выдавали, как он прожил свою
жизнь; однако глаза горели той же яростью, что вспыхива-
ла всякий раз, когда обладатель их сталкивался с неспра-
ведливостью или же с тем, что считал глупостью. И отсту-
пит он при этом, заметьте, в свои шестьдесят с гаком не
больше, чем в моем возрасте. Зная все это, я прикинул, что
долгой проповеди мне не избежать, а потому вскарабкался
по деревянной лестнице и с полки изъясил внушительную
банку, где хранилась особо недешевая смесь превосходных
табачных листьев из Турции и Джорджии. После чего я вы-
ставил второй плетеный стул под небольшой полосатый
навес, что прикрывает обе мои витрины — «С. ТАГГЕРТ,
ТАБАЧНИК, ОТБОРНЫЕ ИМПОРТНЫЕ И ОТЕЧЕСТ-
ВЕННЫЕ СМЕСИ» наилучшим сусальным золотом —
и принялся набивать товар в гильзы из вкуснейшей англий-
ской бумаги. В таком-то антураже мы вдвоем и располо-
жились, а майский ветерок тем временем уносил уличное
зловоние к восточным пределам города.

— Так что же, Стиви? — объявил великий журналист тем тоном, за который его не раз увольняли из газет по всему Восточному побережью. — Если я правильно тебя понял, в конце концов и ты готов влиться в заговор молчания вокруг кошмаров частной жизни наших добропорядочных соотечественников?

— Не желаете ли закутить, мистер Мур? — поинтересовался в ответ ваш покорный заговорщик поневоле. — И немного поразмыслить над тем, что вы только что ляпнули. Это же я, Стиви — тот же Стиви, который не раз пукался с вами в небожеские предприятия в деле Бичема, когда был еще совсем несмышленишкой.

— Сперва я и полагал, что говорю именно с ним, — неуверенно заметил мой собеседник, — но твой тон заставил меня в этом усомниться.

— Огоньку? — предложил я, чиркая спичкой по брючине, пока мистер Мур рылся в кармане. — Нельзя сказать, что вы ошиблись, — продолжил я, — но ведь нужно знать, как подходить к людям.

— А! — воскликнул он. — Иными словами, я, кто работал в лучших изданиях страны, а ныне освещает величайшие события дня на страницах «Нью-Йорк Таймс», я — и не умею найти подход к своей публике?

— Вот только пыжиться не надо, — ответил я. — Насколько известно даже мне, «Таймс» увольняла вас дважды — и все именно из-за того, что вы *не* знали, как подойти к своей публике. Дело Бичема было крепким — даже слишком крепким для ваших читателей, чтобы ставить на эту лошадку. Что, нельзя было подвести их к нему помягче — начать с чего-нибудь другого, не с выпотрошенных мальчиков-проституттов, каннибализма и глаз в банках?

Великий борзописец зашипел, овевая меня дымом, но я уловил и легкий кивок: дескать, возможно, я прав; быть может, история измученного мучителя, который вымещал собственную ярость на самых несчастных молодых людях в этом городе, — не лучший способ знакомить публику как с психологическими теориями доктора Крайцлера, так и с тайными грехами американского общества. И это мимолетное допущение (если только я прав и это действительно оно), видимо, не слишком-то обрадовало мистера Мура.

12 Заунывное ворчание, исторгшееся из его груди, похоже, говорило: «Я — и вдруг прислушиваюсь к профессиональным советам бывшего мелкого жулика, подвизающегося на ниве торговли табачными изделиями!» Меня его реакция позабавила: а как иначе, ибо в манере мистера Мура сейчас больше от капризного дитяти, нежели от рас- свирепевшего старика.

— А давайте попробуем оглянуться, — предложил я с облегчением от того, что гнев его, похоже, сменился покорностью. — Давайте-ка вспомним все наши тогдашние дела — может, какое и не будет так эпатировать, однако ж стодится для ваших целей?

— Не выйдет, Стиви, — подавленно буркнул Мур. — Ты же знаешь не хуже меня, что дело Бичема — не только первая, но и самая яркая иллюстрация ко всему, что Крайцлер годами пытался донести этим людям.

— Кто знает, — ответил я. — Может, и другие подойдут? Вы ведь всегда признавали, что у меня память лучше всех из нас — так, может статься, я и помогу вам припомнить?

Здесь, признаюсь, я немного покривил душой: мне уже вспомнилось подходящее дельце — самое интригующее и захватывающее из всех, что выпали нам на долю. Однако если б я сейчас принялся рьяно подсовывать его мистеру Муру... для человека в его состоянии это стало бы все равно что красной тряпкой перед быком. Он меж тем добыл из кармана фляжку и уже изготовился к ней приложиться, как вдруг с проспекта громоподобно рывкнула выхлопная труба «фордовского» моторного грузовика, и мистер Мур от неожиданности взвился со стула на добрый фут в воздух. Старики всегда так реагируют на подобные вещи — им уж не привыкнуть к звукам нового времени. Впрочем, хрюкнув и опустившись обратно на стул, мистер Мур соизволил все же уделить минуту размышлениям касательно моего предложения. Однако плавное покачивание головой свидетельствовало, что размышления эти проделали полный цикл и вернулись к тому же безутешному выводу: во всей нашей практике не было дела более подходящего и наглядного, чем дело Бичема. Я вздохнул и, поглубже затянувшись, тихо спросил:

Друг мой слегка побледнел и глянул на меня с таким видом, будто сама дамочка сейчас объявится из глубин моей лавки и отчитает его, доведись ему ляпнуть о ней что-то не то. Таково обычное действие, производимое ее именем на всякого, кто хоть однажды переходил ей дорожку или как-то мешал.

— Либби Хатч? — тихо отозвался мистер Мур. — Нет. Нет, как ты мог? Это не... нет, это... ты же просто не мог... — Он и дальше так бормотал, не ошарашь я его прямым вопросом, отчего ж это я не мог? — Так... — начал он, по-прежнему больше напоминая до полусмерти перепуганное дитя, — как же ты мог... да как вообще кто-либо осмелива... — В этот миг до части его мозга, не затуманенной алкоголем, все же дошло, что женщина добрых лет двадцать как мертва: убедившись в этом, он сразу надулся и несколько приосанился. — Во-первых, — произнес он (воздев палец и приготовив к тому же остальные, дабы подчеркнуть лишний раз, что одним доводом дело не исчерпается), — я счел, что ты намерен предложить такую историю, что будет не ужаснее дела Бичема. В деле же Хатч мы имеем не только похищения, но и убийства младенцев, осквернение могил — при том что могилы оскверняли мы сами, да простит нас Всевышний...

— Верно, — отозвался я, — да только...

Но ни о каких «да только» и речи идти не могло — мистер Мур не внимал голосу разума. Взметнулся второй палец, и он попер дальше:

— Во-вторых, моральные последствия... — как же он любил этот риторический оборот, — ... дела Хатч, пожалуй, гораздо опаснее истории с Бичемом.

— Все правильно, — попробовал вклиниться я, — именно поэтому...

— И наконец, — прогремел мистер Мур, — если бы даже эта история и не была столь дьявольски ужасающа и опасна, — уж не тебе, Стиви Таггерту, ее рассказывать.

В этом месте я не понял. Вообще-то мне до сей минуты не приходило в голову, что именно я должен рассказывать эту историю, но его заявление, что рассказывать ее не мне, здорово меня покорило. На что это он намекает?

14 Все еще надеясь, что я как-то превратно истолковал его речь, я вынужден был задать прямой вопрос: что же конкретно может воспрепятствовать мне поведать устрашающую сагу Либби Хатч, если мне вдруг придет эдакое в голову? К вящей досаде моей мистер Мур заметил в ответ, что у меня отсутствует как надлежащее образование, так и соответствующие навыки.

— Ты что себе думаешь? — спросил он, явно не истощив запасов уязвленной гордыни. — По-твоему, книгу написать — все равно что выписать чек на товар? Ремесло писателя не так уж отличается от торговли курицом?

Тут меня уж несколько перестал забавлять сидевший передо мной пьянчуга, однако я решил предоставить ему еще один шанс.

— Неужто вы забыли, — тихо процедил я, — что с тех самых пор, как я поселился у доктора Крайцлера, он лично занимался моим образованием?

— Пара лет свободных слушаний, — вспыхнул мистер Колонка Редактора, — ничто по сравнению с полным курсом Гарварда.

— Ну так поправьте меня, если я сейчас ошибусь, — парировал я, — да только гарвардское образование не больно-то помогло *вашей* скромной рукописи увидеть свет. — Тут глаза мистера Мура сузились. — Разумеется, — втирал я глубже соль в его раны, — я так и не пристрастился к пиву, как это полагается господам ваших занятий. Но во всем остальном, смею надеяться, я ничем не уступаю вам шелкоперам.

Последнее слово прозвучало подчеркнуто — к этому оскорблению мой собеседник всегда относится болезненно. Но я отнюдь не перестарался. Замечание сие призвано не ранить, но жалить, и в этом я преуспел — мистер Мур несколько секунд слова не мог вымолвить, а когда все же нашел в себе силы открыть рот, я был готов к тому, что уравновесит или превзойдет мощь моей оплеухи. Словно два бойцовых пса в яме, кои устраивали в квартале, где прошло мое детство, мы рвались с цепей, уже достаточно оценив и облаяв друг друга, — пришла пора вцепиться в ухо.

— Трусость и глупость нью-йоркских издателей и американской читающей публики не имеют никакого отно-

шения к *моей* бездарности в том, что касается Слова, — яростно отчеканил мистер Мур. — Но если тебе, Таггерт, когда-нибудь и впрямь удастся научить меня чему-то новому в этом ремесле, открыть мне глаза на неизвестные ранее аспекты работы Крайцлера, да, черт побери, *на что угодно*, кроме табачных листьев, — я буду счастлив напялить фартук и простоять за твоей стойкой... целую неделю!

А вот тут вам кое-что надобно понимать: мы с мистером Муром оба — игроки. Свой первый «фараон» для соседских ребятишек я разложил, когда мне было восемь, да и мистер Мур не мог пропустить интересного риска в игре. Да что там, именно азартные игры и положили начало нашей дружбе: этот человек научил меня всему, что мне известно о лошадаках, и я готов это признать, хоть он и смотрел на меня свысока. Так что теперь, когда он сделал свою ставку, я отнюдь не рассмеялся. Не стал отказываться от пари. Я лишь посмотрел ему в глаза и произнес единственное слово:

— Заметано.

И мы сплюнули на пол, как научил его я, и пожали друг другу руки, как научил меня он. Мы оба знали, что дело и впрямь заметано.

Мистер Мур поднялся, затянулся в последний раз окурком и сказал едва ли без приятности, будто и не было у нас сегодня перепалок:

— Спокойной ночи, Стиви.

Все перешло на иной уровень: это уже не назовешь разминкой для ума, теперь это пари, стало быть обсуждать его доле — святотатство. Впредь оставалась только игра, бег к финишной ленточке, один победитель — один проигравший, и вряд ли я буду видеть его часто или увижу вообще, пока мы не разберемся окончательно, кто из нас кто.

Вот таким манером я и оказался в ту ночь (и, как я предполагал, она такая будет не единственной) наедине с воспоминаниями о деле Хатч: о людях, протянувших нам руку помощи, о том, что нам мешало, о друзьях (и о более чем просто друзьях), которых мы потеряли в той охоте, о диковинных местах, куда заносило нас, — и о самой Либби Хатч.